

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

**Якубов Абдурасул Соатович – преподаватель Денауского института
предпринимательства и педагогики.
rasulyakubov1970@gmail.com**

Аннотация: В данной статье представлен обзор основных тенденций в современном переводоведении, предпринятый на основе изучения наиболее значимых работ, созданных в разных областях науки о переводе. Обзор свидетельствует о том, что не только проблематика переводоведения стала более разнообразной, что связано с определенными изменениями в характере самой переводческой деятельности, но и само переводоведение приобрело междисциплинарный характер, вовлекло данные смежных дисциплин. В рамках переводоведения произошли определенные «повороты» и возникли новые парадигмы исследования перевода. К числу наиболее важных явлений в области переводоведения относятся «культурный поворот», а также «поворот», который можно назвать антропоцентрическим, послуживший основанием для развития коммуникативно-функционального подхода к осуществлению и изучению перевода. Он предполагает «погружение» переводчика в коммуникативную ситуацию, в которой осуществляется перевод, ее анализ с целью уяснения цели перевода. Данный подход позволяет более точно сформулировать задачи, решаемые переводчиками в рамках осуществления как традиционных видов перевода (художественный перевод, религиозный перевод, устный перевод), так и относительно новых видов переводческой деятельности (аудиовизуальный перевод, локализация). В статье обосновывается утверждение, что собственно перевод является главным элементом любой деятельности, осуществляемой переводчиком, и всякая переводческая деятельность предполагает культурную адаптацию текста к восприятию получателей перевода. Основная особенность переводоведения сегодня — его ориентированность на практику, на изучение закономерностей переводческой деятельности, что дает возможность постижения как особенностей различных видов перевода, так и сути перевода как вида человеческой деятельности.

Ключевые слова: переводоведение, культурный поворот, коммуникативно-функциональный подход, аудиовизуальный перевод, локализация.

Известно, что переводоведение утвердилось в статусе научной дисциплины во второй половине XX века. Это было вполне закономерное явление, обусловленное, прежде всего, потребностями осмысления особенностей и закономерностей переводческой деятельности, существенно изменившейся к тому времени и расширившей свои границы. Понятно, что эта научная дисциплина создавалась не с чистого листа, а на основе концепций, возникших в предшествующие эпохи. Сама переводческая мысль, бившаяся в сознании переводчиков в разных странах и в разные временные периоды, подготовила формирование, в определенном смысле — оформление разрозненных взглядов на перевод в нечто единое, обретшее со временем форму научного направления. Очевидно, что в предшествующие периоды переводческие идеи касались преимущественно двух основных разновидностей переводческой деятельности, доминировавших на протяжении столетий, а именно перевода сакральных текстов, то есть религиозного перевода, и перевода художественного. Не случайно первым и основным направлением переводоведческих исследований, если определение «переводоведческий» вообще применимо к исследованиям перевода в, так сказать, донаучную эпоху, было направление литературоведческое. И только начиная с 30-х годов XX века исследователи обратились к изучению проблем специального, то есть нехудожественного и нерелигиозного перевода, что было связано с расширением международного сотрудничества в научно-технической, военной и дипломатической сферах и, соответственно, с потребностями подготовки переводчиков для данных сфер (Сдобников, Петрова 2006: 54—55). Интерес лингвистов того времени к сопоставительному изучению языков в синхронии способствовал появлению лингвистического направления в исследовании перевода. Как пишет Э. Гентцлер, именно лингвистика способствовала появлению дисциплины, располагавшей теоретическими и языковыми инструментами, необходимыми для создания системного подхода к переводу (Gentzler 1990: 67). Ученых-лингвистов интересовали особенности соотношения разных языков, сталкивающихся в процессе перевода, влияющие на ход и результат

переводческого процесса. Это был своего рода «поворот» от литературоведения к лингвистике, приведший в результате к противостоянию и даже ожесточенной борьбе двух направлений, по крайней мере, в России. Результатом этой борьбы стало признание того, что даже в области художественного перевода лингвистические факторы играют существенную роль на обоих основных этапах переводческого процесса, то есть в процессе интерпретации оригинала и в процессе порождения перевода (Ларин 1962: 3). Таким образом, примирение двух подходов к переводу состоялось. Но это был лишь начальный период становления и развития переводоведения как науки. Далее мы рассмотрим основные события в его истории и в истории переводческой деятельности, с которой переводоведение непосредственно связано, приведшие к обретению им его нынешнего состояния. Дальнейшая история переводоведения отмечена несколькими важными «поворотами» (shifts), как они были названы западными учеными (Snell-Hornby 2006). Мы отметим лишь отдельные, наиболее важные моменты, определившие состояние переводоведения на современном этапе. Тех, кто нуждается в более подробной информации о путях развития переводоведения, мы можем отослать к работам, специально посвященным этому вопросу (Gentzler 1990; Prunč 2007; Прунч 2015). Исходя из того, что всякий поворот предполагает изменение направления, вектора движения, следует отметить то направление, которое послужило начальной точкой отсчета для последующего развития науки о переводе. Вполне естественно предположить, что таким направлением, в соответствии с логикой развития событий, было именно лингвистическое, зародившееся на этапе становления теории перевода как науки. Если обозначить его суть кратко, то можно сказать, что в его рамках в качестве основной задачи рассматривалось изучение условий установления отношений эквивалентности между двумя текстами на разных языках, а также факторов, способствующих или препятствующих этому. Не случайно то, что мы в российском переводоведении называем лингвистическим подходом к переводу или просто лингвистическим переводоведением, на Западе именуют подходом, ориентированным на эквивалентность, или парадигмой эквивалентности (Гамбье 2016б). С течением времени пришло осознание ограниченности этого подхода. Как пишет Ив Гамбье, он «...не позволяет рассмотреть, описать и объяснить процесс принятия переводческих решений

и результат перевода. Различие между тем, что явно (буквально, непосредственно, лежит на поверхности), и тем, что скрыто (имплицитно, сопряжено с коннотациями, подразумевается), ведет к неверному восприятию процесса перевода, а интерпретация переводчиком содержания оказывается делом весьма непонятным» (Гамбье 2016а: 58—59). Переводоведение не могло оставаться долго в тисках лингвистического подхода, тем более что сама природа переводческой деятельности подталкивала ученых к включению в круг исследований вопросов, связанных с воздействием на перевод факторов культуры. Осознание того, что перевод — это не только столкновение языков, но и столкновение культур (фраза, сегодня звучащая как аксиома), кардинально изменило сам характер переводоведческих исследований. Как писал А.Д. Швейцер, «столкновение двух культур при переводе происходит и на коммуникативном уровне, и на уровне текста» (Швейцер 1988: 52). Поскольку речь уже шла о культурах, то значит и о носителях разных культур, то есть о людях, для которых перевод есть средство обеспечения коммуникации. Таким образом, стало распространенным терминосочетание «межкультурная коммуникация», а в рассмотрении перевода учеными обнаружилось место — до тех пор вакантное — для человека. Произошел «культурный поворот» и «антропоцентрический поворот» в переводоведении. С 1980-х годов рассмотрению влияния культуры на перевод и влиянию перевода на культуру было посвящено много работ (Bassnett, Lefevere 1998; Bassnett 2005; Cranmer 2015, Gentzler 2001; Hatim, Mason 2005; Katan 2009; Koskinen 2015, Nida 1993; 1996; Toury 1995). Очевидно, что понятие «культурный поворот» чрезвычайно сложно, многомерно и комплексно, так же как и собственно понятие «культура». Это не могло не повлиять на самую направленность переводоведческих исследований, в которых рассматриваются различные аспекты проявления культур и межкультурных различий в разных видах перевода. Подтверждением этому служат опубликованные в данном выпуске статьи, в которых раскрываются механизмы межкультурного взаимодействия посредством перевода, обязательные для учета практиками и изучения теоретиками. По нашему мнению, функциональный подход к переводу (в нашей терминологии — коммуникативно-функциональный) восходит к работам Ю. Найды (Nida 1964; Nida, Taber 1969), основателей скопос-теории К. Райс и Х. Фермеера (Reiß,

Vermeer 1984; 2013) и ученых Лейпцигской школы (Jäger 1975; Kade 1981; Neubert 1973). Впрочем, если исходить из того, что в основе коммуникативно-функционального подхода — обеспечение восприятия смысла оригинального текста его получателями и переводчиком, а также его воспроизведение в тексте перевода, то к числу предтеч данного подхода можно отнести Цицерона, св. Иеронима и даже Петра I (Федоров 1983: 41). В российском переводоведении можно выделить работы З.Д. Львовской (Львовская 1985; 2008), обратившей особое внимание на передачу смысла в интересах определенной аудитории (Sdobnikov 2017). В настоящее время коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает рассмотрение переводческого события в рамках определенной коммуникативной ситуации с учетом цели осуществления перевода, потребностей и ожиданий реальных или предполагаемых получателей ПТ (потребителей), способа использования переводного текста в рамках предметной деятельности потребителей перевода. В некоторых случаях важен и учет коммуникативной интенции отправителя исходного сообщения и коммуникативного эффекта, производимого оригиналом на соответствующих получателей. Мы говорим «в некоторых случаях», поскольку обеспечение равенства коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ, иногда не представляется необходимым и часто вовсе невозможно. Например, перевод выступления, адресованного аудитории исходного языка, в принципе не может оказать аналогичного воздействия на аудиторию перевода. Подобное утверждение противоречит традиционным взглядам на перевод как на процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста (Швейцер 1988: 75). Поскольку учет особенностей коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод, является необходимым условием постижения переводчиком цели перевода и того, что К. Норд, вслед за своими учителями, называет translation brief (переводческое задание) (Nord 2005: 9—10), возникает потребность в классификации возможных коммуникативных ситуаций с использованием перевода (КСП). Разработанная нами классификация коммуникативных ситуаций включает два типа КСП — ситуации, в которых перевод изначально (то есть в момент создания ИТ) предполагается, и ситуации, в которых перевод изначально не предполагается. Каждый из этих типов включает виды КСП, выделяемые на

основе разных критериев: в первом случае — на основе формы взаимодействия разноязычных коммуникантов (презентация, круглый стол, интервью, экскурсия и т.п.), во втором случае — на основе личности инициатора перевода (Сдобников 2015: 73—93; Sdobnikov 2011). Мы утверждаем, что сам характер коммуникативной ситуации определяет цель перевода и позволяет переводчику выбрать соответствующую этой цели стратегию перевода, понимаемую как общая программа осуществления переводческой деятельности с учетом параметров коммуникативной ситуации (Sdobnikov 2011: 1450). Таким образом, коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает своего рода погружение — как в теории, так и на практике — в определенную коммуникативную ситуацию, осознание переводчиком параметров этой ситуации и тех задач, которые должны быть им решены именно в рамках и применительно к данной ситуации. Особую важность он представляет для профессиональной подготовки переводчиков, поскольку позволяет избавиться (и избавить будущих переводчиков!) от ложного представления о переводе как о трансформации одного текста в другой, как о некоей филологической игре с двумя текстами, и внушить будущим специалистам уверенность в том, что перевод — это деятельность, направленная на удовлетворение потребностей людей путем создания текста на переводящем языке с ориентацией на текст оригинала. Именно такой уверенностью будут характеризоваться будущие поколения переводчиков, если коммуникативно-функциональный подход станет для них своего рода господствующей идеологией. В переводоведении по-прежнему уделяется много внимания проблемам, рассмотрение которых началось много веков назад. К их числу относятся, прежде всего, проблемы художественного перевода и проблемы перевода религиозных текстов, о чем свидетельствует, в частности, и тематика некоторых статей, представленных к этому выпуску журнала. Казалось бы, все, что можно было сказать по этому поводу, уже сказано, и добавить больше нечего. Однако это не так. Все дело в том, что само развитие переводоведения следует рассматривать как спиральное движение: на каждом новом витке в сферу внимания переводоведов включаются новые аспекты ранее рассматриваемых проблем и, что более важно, меняются сами подходы к изучению переводческих проблем, меняется угол зрения, под которым это изучение осуществляется. Несомненно, основным и наиболее

перспективным подходом к изучению перевода, включая такие его виды, как художественный перевод, является коммуникативно-функциональный подход, что выглядит очень инновационно, особенно по отношению к переводу сакральных текстов. В частности, с данным подходом вполне согласуется задача обеспечения определенного коммуникативного воздействия на читателей переводных версий Библии, учет самого назначения переводов Священного Писания в данной культурной среде и в данную эпоху (см., например, статьи Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой, А.А. Осиповой в этом выпуске). Следует с удовлетворением отметить, что коммуникативно-функциональный подход используется теперь в качестве той теоретической основы, которая позволяет приблизить само изучение вечных (и новых) проблем переводоведения к реалиям практической переводческой деятельности, осуществляемой в интересах конкретных (в определенной ситуации) получателей перевода. Наш краткий анализ современного состояния переводоведения мы завершим рассмотрением новых направлений, тенденций и тем, появившихся в науке о переводе в последние два десятилетия. Разумеется, перечислить все частные вопросы, интересующие переводоведов, вряд ли представляется возможным в рамках статьи. Самое главное — это то, что переводоведение уже доказало свою практическую направленность; по сути, все то новое, что появилось в теории перевода, так или иначе связано с изменениями в характере переводческой деятельности как таковой. Ниже мы отметим пунктирно наиболее значимые изменения и их роль в обогащении проблематики переводоведения. Казалось бы, развитие теории устного перевода не является достижением последнего времени. Но следует учитывать, что предыдущий этап развития науки о переводе подарил нам лишь ряд фундаментальных работ, в которых были заложены основы теории устного перевода и намечены дальнейшие направления исследований в этой области (Миный-Белоручев 1969; 1980; Чернов 1987; Ширяев 1979). Эти исследования были в значительной степени связаны с господствовавшим тогда сугубо лингвистическим подходом к переводу. В настоящее время в центре внимания ученых — не только вопросы описания самих механизмов осуществления последовательного или синхронного перевода на основе сопоставления разноязычных продуктов устной речевой деятельности, но и изучение лежащих в основе этих механизмов психолингвистических и

нейрофизиологических процессов (Moser-Mercer 1978; Moser-Mercer et al. 1998). К числу абсолютно новых тенденций на переводческом рынке относится осуществление «сольного» синхронного перевода, то есть перевода, осуществляемого синхронистом без напарника. В этом направлении ведутся определенные эмпирические исследования, хотя основательных теоретических работ, посвященных этому вопросу, пока не написано. Расширение сферы использования аудиовизуального перевода (АВП), то есть перевода кинофильмов, видеопрезентаций, компьютерных игр, приложений к смартфонам и т.п., не могло не привлечь внимания переводоведов (Горшкова 2006; 2017; Матасов 2009; Малёнова 2017; Chaume 2016; Díaz Cintas 2009; Gambier 2008). Многими авторами АВП рассматривается как особый вид переводческой деятельности, отличный от устного перевода и письменного перевода (Козуляев 2013). В рамках этого направления исследований можно выделить две сферы. Первая — изучение характерных особенностей АВП и отдельных технологий АВП, таких как овервойс, дублирование, субтитрирование (Gottlieb 2009; Pettit 2009). Вторая — изучение частных переводческих проблем, возникающих в процессе аудиовизуального перевода, прежде всего, кино- видеоперевода (передача названий фильмов, каламбуров, метафор и т.п.). Радует то, что при рассмотрении этих частных проблем исследователи отказываются от текстоцентрического подхода (Малёнова 2017: 40—41) и обращаются к коммуникативно-функциональному, а по сути, полидисциплинарному подходу (Там же), подтверждением чему, в частности, являются опубликованные в данном выпуске статьи О.А. Леонтович, а также Н.В. Щурик и В.Е. Горшковой. Представление об особом характере аудиовизуального перевода как вида переводческой деятельности основано на учете его полисемиотического характера (Козуляев 2013; Малёнова 2017; Díaz Cintas 2009), что предполагает изучение АВП и как разновидности интерсемиотического (межсемиотического) перевода, и как способа оказания определенного воздействия на не менее определенную аудиторию. Очевидная технологизация переводческого процесса, использование перевода при создании таких продуктов, как компьютерные игры, приложения к смартфонам, интерфейсов сайтов и т.п., привели к разграничению собственно перевода и так называемой локализации на практике и к появлению новых парадигм изучения перевода в теории (Гамбье 2016а; Gambier 2016б).

Например, Энтони Пим утверждает, что новые информационные технологии — это не просто дополнительные инструменты, а системы, «меняющие саму природу когнитивной деятельности переводчика, социальные отношения и профессиональный статус переводчика (перевод мой. — В.С.)» (Pym 2011). Использование локализации вызвано потребностью «изменять функции и характеристики приложений таким образом, чтобы они отвечали требованиям местных потребителей» (Gambier 2016б). Локализация определяется как «процесс модификации продуктов и услуг с целью учета различий на разных рынках (перевод мой. — В.С.)» (LISA 2003: 13). Локализация продукта для иной культурной среды предполагает решение проблем трех типов: лингвистических, культурологических и технических. Примером культурологической проблемы является приведение содержания программного обеспечения для бухгалтерского учета в соответствие с принципами бухгалтерского учета, принятыми в стране использования этого программного продукта. К техническим проблемам можно отнести использование особых технических функций, необходимых для поддержки языков, на которые осуществляется перевод. Таким образом, локализация непосредственно связана с переводом, но шире перевода и предполагает осуществление особых действий технического характера, необходимых для адаптации текста к потребностям носителей иной культуры. Вместе с тем мы считаем необоснованным противопоставление локализации собственно переводу. К сожалению, подобная тенденция имеет место, по крайней мере, в теории и в переводческом бизнесе. Перевод рассматривается некоторыми менеджерами переводческих компаний как простое преобразование одного текста в другой, замена знаков одного языка знаками другого. Под локализацией подразумевается процесс, в ходе которого осуществляется существенная культурная (прагматическая) адаптация текста к реалиям принимающей культуры (Fridge). При этом дело представляется так, будто в процессе перевода никакая культурная адаптация не осуществляется (Там же). Это, разумеется, не так. Мы прекрасно знаем, что практически всякий перевод предполагает культурную адаптацию текста, осуществление прагматической адаптации (Комиссаров 1990: 211—215), особенно перевод публицистических, художественных, рекламных текстов и даже текстов специальных. Следовательно, локализация отличается от собственно перевода

прежде всего использованием определенных технических средств, необходимых для создания продукта в соответствии с требованиями местного рынка. Из вышеизложенного также следует, что переводоведение должно более четко определить место и роль перевода в процессе локализации и место локализации в структуре переводческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода. XVII Царскосельские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф-ции, 23—24 апреля 2013 г. СПб., 2013. Т. I [Kozulyaev, A.V. (2013). *Audiovizualny polisemantichesky perevod kak osobaja forma perevodcheskoi deyatelnosti i osobennosti obuchenija dannomu vidu perevoda* (Audiovisual Polysemantic translation as a specific form of translation activity and methods of teaching it). XVII Tsarskoselskie chtenija: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 23—24 aprelya 2013 goda. Saint-Petersburg (In Russ.)].
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. [Komissarov, V.N. (1990). *Teorija perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* (Translation Theory (Linguistic Aspects)). Moscow, Vysshaja Shkola Publishing House (In Russ.)].
3. Ларин Б.А. Наши задачи. Теория и критика перевода. Л., 1962 [Larin, B.A. (1962). *Nashi zadachi (Our Tasks). Teorija i kritika perevoda*. Leningrad (In Russ.)].
4. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). М.: Высшая школа, 1985 [Lvovskaya, Zinaida (1985). *Teoreticheskie problem perevoda (na materiale ispanskogo jazyka)* (Theoretical Problems of Translation (on the material of Spanish)). Moscow, Vysshaya shkola (In Russ.)].
5. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода: Пер. с исп. М.: Издательство ЛКИ, 2008 [Lvovskaya, Zinaida (2008). *Sovremennye problemy perevoda (Modern Problems of Translation)*. Moscow, LKI Publishing House (In Russ.)].

6. Малёнова Е.Д. Теория и практики аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт. Коммуникативные исследования, 2017, № 2(12), 32—46 [Malyonova, E.D. (2017). Teorija i prektika audiovizualnogo perevods: otechestvenny i zarubezhny opyt (Theory and Practice of Audiovisual Translation: Russian and Foreign Experience). Kommunikativnye issledovanija, 2017, No 2(12) (In Russ.)].

7. Якубов, А. С. (2023). АКТУАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ. Multidisciplinary Journal of Science and Technology, 3(3), 95-99.

8. Choriev, B. A. (2022). Comparative Analysis of the Names of Adjectives in the Russian and Uzbek Languages. Spanish Journal of Innovation and Integrity, 13, 128-130

Research Science and
Innovation House

